

Оценки повседневности в речи красноярцев

Е. В. Осетрова

Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech

E. V. Osetrova

Елена Валерьевна Осетрова – доктор филологических наук, профессор; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

E-mail: osetrova@yandex.ru

Статья поступила. 10.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

В статье на материале повседневной речи жителей Красноярска рассмотрены позиции оценки в семантической структуре высказывания: пресуппозитивная, кваликативная, актантная, пропозитивная и модусная. Вследствие различной степени ее эксплицитности и определенности, что в том числе связано со спецификой перечисленных позиций, оценка по-разному влияет на «правый» контекст, который, как показывает анализ, развивается в нескольких направлениях: обоснование (аргументы) оценки; трансформация содержания оценки (детализация оценки / корректирование оценки / альтернативная оценка); трансформация объектного поля оценки (детализация объекта / увеличение количества объектов); интерпретация воздействующего потенциала оценки (цель оценки). Таким образом, в повседневной речи введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога с оценочным содержанием. На развитие аксиологического контекста очевидно влияют факторы времени, места и обстоятельств общения. К примеру, рекреационный режим, в котором регулярно оказывается человек в отпуске, в периоды праздников или в выходные дни, в обстоятельствах выездного отдыха, «прогулок на свежем воздухе», «дружеской болтовни» – коррелирует с установками на гармоничное восприятие окружающего мира, лояльное отношение к окружающим и положительную оценку. При том, что контекстное развитие оценки может приобретать инициативный либо реактивный характер, основанное соответственно на коммуникативной воле автора либо от адресата, выделенным объектом оценки, значимым для дальнейшего «продвижения» аксиологической микротемы, является адресат высказывания. Этот статус второго участника разговора стимулирует особую деятельность автора, который в обстоятельствах межличностного контакта готов обратить свое квалифицирующее внимание на адресата, переместить его позицию из коммуникативной (участник разговора) в содержательную, аксиологическую (объект оценки), плоскость, демонстрируя ему свое предпочтение либо, напротив, неодобрение. Словарь обыденной оценки вполне прост, часто клиширован и не отличается особым разнообразием: *хорошо, плохо, нормально, классно,*

Elena V. Osetrova – Doctor of Sciences in Philology, Professor; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation

ORCID 0000-0003-2894-2254

Received: 10/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The article, based on the material of everyday speech of residents of Krasnoyarsk, examines the positions of evaluation in the semantic structure of a statement including presupposition, qualifying, actantial, proposition and modus. Due to the varying degrees of its explicitness and certainty, which is also related to the specifics of the listed positions, the evaluation has a different impact on the “right” context, which, as the analysis shows, develops in several directions including evaluation justification (arguments), transformation of the content of the evaluation (evaluation detailing / evaluation adjusting / alternative evaluation), transformation of the object field of the evaluation (object detailing / increasing the number of objects), interpretation of the impact potential of the evaluation (the purpose of the evaluation). Thus, in everyday speech, the introduction of an evaluative element regularly becomes a stimulus for the formation of a more or less long statement, and in some cases, an entire dialogue with evaluative content. The development of the axiological context is obviously influenced by factors of time, place and circumstances of communication. For example, the recreational mode when a person regularly finds themselves on vacation, during holidays or on weekends, in circumstances of outdoor recreation, “walks in the fresh air,” “friendly chat” correlates with attitudes towards a harmonious perception of the world around them, a loyal attitude to others and a positive evaluation. Given that the contextual development of an evaluation can acquire a proactive or reactive nature, based, respectively, on the communicative will of the author or from the addressee, the selected evaluation object, significant for the further development of the axiological micro-topic, is the addressee of the statement. This status of the second participant in the conversation stimulates the special activity of the author, who, in the circumstances of interpersonal contact, is ready to turn their qualifying attention to the addressee, move their position from the communicative (a participant in the conversation) to the substantive, axiological (evaluation object) plane, demonstrating their preference or, on the contrary, disapproval. The vocabulary of everyday evaluation is quite simple, often clichéd and not particularly diverse: *khoroшо (good); plokhо (bad); normal'no 'OK'; klassno, moshch 'cool'; zhestko 'tough'; molodets 'well done'; etc.* – the most frequent evaluation predicates.

жестко, мощь, молодец и под. – наиболее частотные предикаты оценки.

Ключевые слова: повседневная речь, оценка, пропозиция, актанта, модус, аргумент, коммуникативная цель, воздействие

Keywords: colloquial speech, assessment, proposition, actant, modus, argument, communicative purpose, impact

УДК 811.161.1: 81`42(571.51)

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Устная речь – типичное пространство для активирования и демонстрации аксиологической шкалы, «встроенной» в индивидуальное мировосприятие любого носителя языка, а значит, – для интенсивного, разнообразного использования им оценочных форм. В практике языка современного города [Земская, 2004, с. 247, 272–274 и др.], в том числе повседневной городской речи [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 9–33; Крысин 2021, с. 23], оценка оказывается весьма востребованной: неcodифицированность, неформальность и неподготовленность речи, реализуемой в условиях неофициальной, бытовой и околобытовой коммуникации, порождают у носителя языка ощущение поведенческой, содержательной, наконец, экспрессивной свободы. Нас интересует текстообразующая роль оценки, а также варианты ее развития, когда она стимулирует появление оценочной микротемы, помогая дальнейшему развитию высказывания или диалога. Уже упомянутые раскрепощенность, спонтанность речи в неформальной обстановке – с одной стороны, а с другой стороны – установка на поддержание общения приводят к необходимости оперативной реакции на реплику собеседника: субъективное оценочное суждение – один из стандартных и освоенных способов такой реакции, не требующий от носителя языка ни специального знания, ни особой информированности «по существу вопроса», ни коммуникативного напряжения.

С учетом сказанного комплексной целью представленного анализа становится описание позиций оценки в семантической структуре устных высказываний и далее – исчисление вариантов следующих затем комментариев, выявленных в городской речи жителей Красноярска и поддерживающих аксиологическое интерпретирование предложенной для разговора темы.

История вопроса. Показательно, что аксиологическая проблематика формирует один из современных, четко обозначенных векторов интереса регионального – в нашем случае красноярского – лингвистического сообщества независимо от предметной и дисциплинарной ориентированности конкретных исследований.

Оценочная компонента, в частности, определена как главный научный объект в рамках трехлетнего проекта (2020–2022 гг.), направленного на изучение ценностной картины мира педагогов Красноярского края [Васильева, 2022]. Используя метод семантического гештальта, методики социолингвистического и психолингвистического экспериментов, положения теории интериоризации, участники проекта под руководством С.П. Васильевой не только формируют электронную базу данных [Ассоциативный словарь...], но и дают различные интерпретации собранного материала, базируясь на анкетах действующих и будущих субъектов образовательной сферы Красноярска [Тимченко, Бурмакина, 2022], Дивногорска [Устьянцева, 2021] и

Канска [Васильева, 2022]. В итоге реконструируется развернутая и многоуровневая Модель ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края, взаимосвязанная с более локальной лингвистической моделью идеального учителя и презентующая значимые для данной группы общечеловеческие (в том числе *жизнь, работа, отдых, любовь, время*) и профессиональные ценности (в том числе *школа, урок, экзамен, дети*), личностные качества (в том числе *трудолюбие, коммуникабельность, долг, доброта, терпение, справедливость, скромность, человечность*), проблемные, а потому неоднозначно оцениваемые элементы процесса обучения (в том числе *отчет, ФГОС, ЕГЭ, ОГЭ*).

Не менее впечатляющими оказываются результаты, опубликованные О.В.Фельде в соавторстве с коллегами, более десяти лет (2012-2022 гг.) исследовавшими старожильческую лингвокультуру и ценностную картину мира жителей Северного Приангарья и собравшими коллекцию диалектологических интервью, мемуаров, персонифицированных нарративов, быличек в Кежемском, Богучанском, Мотыгинском районах Красноярского края [Фельде, 2022]. Универсальная языковая оппозиция «свои – чужие» использована в данном случае как содержательное и концептуальное основание, позволяющее расшифровать один из традиционных культурных кодов или, по крайней мере, существенно продвинуться в понимании его элементного (здесь – ролевого) состава. Концепты *сибиряки, ангарцы, деревенские*, то есть «свои», и *ссылные, вербованные, городские*, то есть «чужие», оказываются буквально пронизаны оценочными и эмотивными коннотациями [Смирнов, 2023]. Стоит отметить, что в данном контексте положительная оценка часто захватывает в ближний круг не только «своих», но и «чужих», участвуя в трансформации последних в «иных», снимая напряжение в рамках динамической модели «настороженность → сочувствие → симпатия → уважение» и манифестируя терпимость старожилков к проникающей в их пространство новой культуре [Смирнов, 2023].

Внимание автора этой статьи сосредоточено на языковой оценке, однако она изучается не в рамках теории психолингвистики и лингвокультурологии, а в традициях изучения «языка города», заложенной в Красноярске в середине 80-х гг. XX века [Шмелева, Михалап, 1987]. Эта традиция заметно проявила себя во многих публикациях и нашла одно из продолжений в работах по речеведению, в которых используются понятия общественно-языковой практики, речи и речевого поведения [Шмелева, 2003].

Методология и методы исследования. Оценочность – одна из самых изученных лингвистических категорий – не раз становилась объектом глубокого и разностороннего семантического анализа в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988; 1999, с. 130–274], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995а, с. 67–68, 225–226, 292–294, 300–302; 1995б, с. 351], Е. М. Вольф [Вольф, 1985], В. Н. Телия [Телия, 1986], А.Д. Шмелева [Шмелев, 2002, с. 294–462], О. Ю. Богуславской [Языковая ..., 2006, с. 492–500] и многих других исследователей.

В последние годы основанием, помогающим структурировать результаты профессионального интереса к обозначенному объекту, становится, если можно так выразиться, «сферный» аспект: оценка и оценочность все чаще начинают интересовать

лингвистов с учетом координат, обуславливающих практику их дискурсивного применения. Оценочные смыслы, формы и функции изучаются в границах текстов СМИ [Шмелева, 2021; Харитоновна, 2021; Ходасевич, 2020], политического дискурса [Богуславская, Осетрова, 2024; Яо, 2022], электронной среды [Шмелева, 2023; Осетрова, Сквородкина, 2022], разговорной речи [Revenko, Osetrova, 2022].

Имея в виду богатую научную традицию, дающую понимание структуры этой категории, детализирующей ее содержание, определяющей значимое присутствие в картине мира всякого носителя языка, акцентируем внимание на тех положениях аксиологической теории, которые представляются существенными для интерпретации собранного материала.

Рассуждая о прагматике языкового знака, Ю. Д. Апресян выделяет в значении лексемы коннотативный аспект, включающий в том числе связанные со словом эмотивные и «экспрессивные элементы значения», общие для носителей одной культуры, одного языка, входящие составной частью в фонд «культурных традиций» [Апресян, 1995а, с. 67] и, добавим, тесно связанные с оценочностью.

Представление о наличии эмотивного компонента в значении слова, воспринятое как ключевая идея и возведенное в ранг методологического постулата, обусловило развитие целого научного направления, так называемой «лингвистики эмоций», или эмотиологии [Шаховский, 2007; 2009; 2023], одно из положений которой – обусловленность эмотивного компонента не только семантической структурой слова, но и условиями коммуникативной ситуации, в которой оно употреблено [Ионова, 2019, с. 124], и эмоциональным состоянием говорящего [Солодилова, Шепеля, 2015].

Возвращаясь к наблюдениям Ю.Д. Апресяна, отметим, что, кроме коннотативной части значения языкового знака, ученый, ссылаясь на А. Вежбицку и Ч. Филлмора, выделяет его модальную рамку, или пресуппозицию, в которой «отражена оценка описываемой ситуации» говорящим, слушающим, а иногда учитывается позиция воспринимающего, то есть наблюдателя, непосредственно не участвующего в общении [Апресян, 1995а, с. 68–69]. На эту же закономерность обращает внимание Н. Д. Арутюнова, когда, анализируя функционирование оценки уже на уровне высказывания, показывает, что суждения о предпочтении, не могут порвать связи не только с говорящим как субъектом мнения, но и с адресатом, а потому полемичны и диалогичны [Арутюнова, 1999, с. 270–271].

По сути, «оценка задает определенные параметры дискурса», поскольку сама она обладает «сильной валентностью на смысловое развертывание», а ее маркеры – оценочные предикаты – информативно недостаточны, требуя от текста компенсировать их смысловую неполноту и неоднозначность [Там же, с. 215]. Как типичные приемы компенсации Н.Д. Арутюнова рассматривает а) дескриптивное развертывание оценки, когда сначала сообщается аксиологический итог, и вслед за тем дается фактическая характеристика объекта или положения дел; б) интерпретирующие (предполагаемый вопрос *Что значит хороший/плохой?*), и в) каузальные отношения (предполагаемый вопрос *Почему хороший/плохой?*) [Там же, с. 216–218]; г) варианты преобразования оценочных компаративов в коммуникативную цель (*Иди лучше домой*) [Там же, с. 271]. Таким образом, «аксиологические суждения не утрачивают связи с коммуникативной ситуацией, сохраняя за собой право в нее

вернуться. Это потенциальные **блоки повседневного речевого обмена** (выделено мной. – Е.О.)» [Там же, с. 271].

Все сказанное, в свою очередь, подводит к выделению одной из очевидных «практических» характеристик оценки – высокой степени ее функциональности, которая проявляется не только при формировании эмоционально-ценностного представления об окружающей действительности и ее отдельных фрагментах, но имеет ощутимый коммуникативный потенциал: ориентируясь на то, что «хорошо» и «нравится», и учитывая то, что «плохо» и «не нравится», субъект часто осуществляет свою речевую деятельность.

В данной статье на материале повседневной речи жителей Красноярска, собранном в режимах стороннего либо включенного наблюдения с декабря 2022 г. по март 2024 г. с использованием методики непосредственной записи фрагментов устной речи, во-первых, представлены позиции оценки, которые она занимает в семантической структуре высказывания; а во-вторых, рассмотрены типичные варианты ее контекстного развития.

Анализ материала. С учетом комплексной цели, сформулированной в начале статьи, представим сначала позиции оценки в семантической структуре высказываний, составляющих контекст повседневной городской речи жителей Красноярска.

Во многих случаях оценка заводится в пресуппозицию, когда автор рассчитывает на то, что у него и у адресата имеются общие представления об описываемой ситуации; ср. примеры:

Сколько раз я к ней прихожу / столько раз она меня в пижаме встречает... Ага?,

– то есть это плохо;

Представляешь / я читала / тридцать процентов бюджета Грузии дают приезжие русские //

– здесь, скорее, сдержанная гордость;

В Америке какая-то горилла до сорока семи лет дожила // Знала двести пятьдесят слов / а понимала пятьсот слов!; У алабая мозг двести пятьдесят грамм / а его человек обмануть не может!

– а здесь восхищение способностями животных.

Оценка, кроме того, вполне предсказуемо находит разнообразные возможности быть репрезентированной в диктуме:

- оформляется в позиции квалификатива:

*...он **плоховато** здесь объяснил; Надо посмотреть лекцию Станислава Дорошевского... **шикарная** лекция!*

- влияет на выбор языковой формы для описания участников ситуации – актантов: *...Это моя **красавица** (о дочери) сказала; **Грубьянка** эта (о продавце) опять... опять мне на вопрос демонстративно не ответила / которая из «Красного Яра» // Я тебе уже жаловалась //*

- включается через предикат в событийные пропозиции состояния-отношения и действия:

Ты знаешь как я тебя люблю?; Я всем своим подарил[подарки]/ свекрови / сыну / внукам; А знаешь / в «Гремячей Гриве» визит-центры отремонтировали;

- организует содержание логической пропозиции характеристики, активно используемой как для квалификации объектов и третьих лиц, так и для самохарактеристики; ср.:

Красноярск осенью клевый... короче стильный!; Поедем туда! Там такой лес, птички поют! А река какая чудесная!;

Он такой там монстр был / е-мое; Сергей Савельев / он такой... молодец!;

Я гениальный!; Я не любитель таких походов; Я себя чувствую какой-то неполноценной.

Наконец, в случае, когда оценка заполняет модусную часть, или «модус-позицию», ее доминирование в пространстве целеполагания конкретного высказывания, усиленное манифестацией «живой» эмоции, не оставляет сомнений: *Смотри / травка зеленая! Так мило!... А на Столбах еще нет; Я столько колбасы тебе скормила! Ужас!; Плохо что зима; Она позвонила / сказала что придет // Жестко ваще... не пришла.*

Вследствие различной степени эксплицитности и определенности, что, помимо прочего, связано с использованием той или иной семантической позиции, оценка по-разному проявляет себя в контексте повседневной речи, так сказать, имеет в нем разный вес.

Ее присутствие может быть единичным, точечным вкраплением, не имеющим развития, как, например, в случае, когда она используется в функции итога, завершая микротему:

[Молодой человек, 17-18 лет, по дороге в национальный парк «Красноярские Столбы» рассказывает о знакомом]. *Он из таких парней / появляются из ниоткуда / метр восемьдесят пять... Мощь!*

Однако регулярно участники повседневного общения расширяют семантическое поле высказанной оценки в том или ином аспекте. Тогда открывается ее «правый» контекст.

Сосредоточимся далее на исчислении вариантов соответствующих комментариев, выявленных в речи красноярцев и развивающих аксиологическое интерпретирование по нескольким типовым основаниям: аргументы (обоснование) оценки; уточнение знака оценки и ее качества (точность, уместность, эстетичность и т.п.); альтернативная оценка объекта; уточнение объекта оценки; и др.

Как один их вариантов комментария примем обоснование оценки; оно состоит в развертывании одного, а иногда и целой серии аргументов, базирующихся на описании некоего положения дел; см. пример:

[Разговор двух приятельниц о бизнесе] *Нет / я имею в виду / то что ниши которые освободили / русские хорошо занимают! (аргументирование оценки →) У меня подружка сделала свою серию дорогих брючных костюмов высшего качества // Свой бренд // Так их влет расхватали / как пирожки!;*

[Женщина, около 40 лет, в разговоре с подругой «о жизни»] *Красотища! (аргументирование оценки →) Живу / ни о чем не парюсь!;*

[Девушка, около 20 лет, в разговоре с подругой о предстоящем экзамене] *У меня уже нет страха!* (аргументирование оценки →) *Я произведение прочитала, все знаю!*

Другое типичное направление комментирования имеет в виду трансформацию первичной оценки, которая связана с изменением содержания последней в большей или меньшей степени, реализуясь, к примеру, через ее детализацию:

[Учительница, 40-45 лет, в неформальном разговоре с коллегами об учениках] *Саша замечательный мальчишка! Мне он очень нравится!* (детализация оценки →) *Он какой-то светлый / открытый / добрый.*

В этих же рамках возможна, кроме того, корректировка оценки:

[Двое мужчин, А и Б, по дороге в национальный парк «Красноярские Столбы» пытаются разглядеть с дороги Первый Столб].

А. *Здесь очень плохо видно!*

Б. (корректировка оценки →) *Ну что-то (видно) // Самый край – то есть не совсем плохо.*

Очередной вариант трансформации, который показал записанный материал, демонстрирует альтернативную оценку противоположного знака и как следствие – речевое напряжение с конфликтным потенциалом:

[Разговор родственников о белках, которые водятся в пригороде Красноярска]

Женщина. *Там люди белочек кормят! Они взбираются на тебя и смотрят!*

Милые / пушистые!

Мужчина (скептически). *Ага...*

Женщина. (провокация альтернативной оценки →) *А что? Вам белки не нравятся?*

Мужчина. (введение альтернативной оценки →) *Так белки разносчицы энцефалита! У нас белка девочку укусила / ей уколы от энцефалита поставили;*

[Две женщины, пожилая и молодая, в эко-парке «Гремячая Грива» идут навстречу друг другу и одновременно замечают оброненную перчатку]

Пожилая (обращаясь к молодой). *Вот перчатку надо сюда положить / на пенек!*

Молодая (поднимает перчатку и кладет на пенек). *Ну как-то плохо видно.*

Пожилая. (введение альтернативной оценки →) *Нет! Хорошо! По-моему прекрасно видно!*

Трансформация объектного поля оценки – третье направление развития аксиологического контекста; в его границах объект детализируется, даже дробится:

[Два молодых человека около 20 лет; обсуждают свои увлечения] *Я сейчас по одной крутой схеме раскачиваюсь // (детализация объекта →) Только ем и сплю / чтобы калории не тратить!*

Здесь же наблюдается увеличение количества оцениваемых объектов:

[Разговор подруг, А и Б, о новогодних украшениях и декорировании квартиры]

А (глядя на ветки и светящиеся гирлянды, украшающие сервант). *Как красиво! И огоньки горят // Это ты сама сделала?*

Б. *Да нет / купила уже готовые //*

А. (переход к новому, сопряженному с первичным, объекту оценки →) *Все равно(ты)молодец!*

Можно наблюдать, насколько оперативно внимание одной из участниц разговора переключается на собеседницу, и последняя начинает исполнять «роль» оцениваемого объекта, способствующего расширению аксиологического контекста.

Еще один случай трансформации того же типа демонстрирует следующий диалог:

[Девушка и молодой человек рассматривают детей из окна визит-центра национального парка «Красноярские Столбы»]

Девушка. *Смотри / сколько здесь детей! Какие молодцы! Дошли ведь! ...* (переводит взгляд на молодого человека; введение нового объекта оценки →) *И ты молодец!*

Молодой человек (удовлетворенно кивает).

Очевидно, что в последних двух случаях количество объектов оценки увеличивается именно за счет позиции собеседника. Трактовать это мы предлагаем так, что автор, положительно квалифицируя некий объект (*гурлянду, детей* и т.п.), одновременно чувствуя сопричастность в отношении к адресату, выказывая ему личную приязнь, распространяет и на него комплиментарную/хвалебную оценку.

Впрочем, с учетом той же тенденции – включение в поле актуального оценочного целеполагания находящегося в пределах пространства коммуникации субъекта – регулярно развивается и неодобрительная, пейоративная оценка, выражающая большее или меньшее недовольство. Это описывается в обыденной картине мира фразеологизмом «попасться под руку»:

[Разговор матери с сыном]

М. *Даня! Ну как не стыдно! Просила же убратся в комнате // Как было / так и осталось...*

С. *Ну мам...*

М. [Входящему в комнату младшему сыну] *А у тебя тоже не убрано! Оба мать не жалеете //*

Квалификационное целеполагание, как будто втягивая в свой контекст близких автору-оценщику субъектов, в том числе открывая данный контекст для самого автора, может предполагать и смену оценочных модусов. В таком случае активируются пропозиция сравнения, содержание которой удовлетворяет формуле «один положительный – другой не вполне положительный», либо пропозиция противопоставления, помогающая подчеркнуть контраст «один хороший – другой плохой»; к примеру:

[Пожилая женщина о своем сыне] *Сын у меня очень умный/ тонкий/ думающий человек // Я-то с ним не сравнюсь... Я дурная / взбаломошная...*

Тот же языковой потенциал используют, когда «своих», «родных» критикуют или хвалят на фоне заочной оценки сторонних субъектов:

[Разговор подруг о детях] *Они какие-то необыкновенные / наши мальчики // Я таких больше не знаю! У всех какие-то вечные проблемы с детьми / то не так / это... учеба... лень... А наши молодцы!*

Перечисленные варианты комментариев могут реализоваться автономно, а могут быть использованы комплексно; например:

[Беседа двух знакомых, А и Б, 40-50 лет, о социальном пространстве города]

А. **Красноярск за два-три года преобразился!**

Б. *Сейчас такие города стали! Все чистенькие / ухоженные // все подметено / огоньки горят... Рыбинск! В него много вложили // там такой поток туристов! ... А Москва! Социальных заказов столько! Затык просто! Бери делай / например поликлиника в шаговой доступности // Только деньги осваивай!*

Собеседник Б, развивая оценку, сначала увеличивает количество объектов, причем добавленный объект – более масштабен (*Красноярск → города*), а затем как будто делает шаг назад и дробит его (*города → Рыбинск, Москва*), не забывая аргументировать каждую из оценок. В подобных случаях текстообразующая функция оценки наиболее очевидна.

Далее обратим внимание на ролевой аспект нашей проблемы, то есть на участие в диалоге автора и адресата.

Как показывает приведенный выше материал, оценочный контекст имеет характер не только инициативный, когда сам автор чувствует уместность более или менее подробного комментария, но и реактивный, когда в развитии его оказывается заинтересованным уже адресат; см. пример:

[Разговор в автобусе. Кондуктор, женщина, около 60 лет, улыбаясь, получает деньги и отдает билет пассажиру, молодому мужчине]

Мужчина (улыбается в ответ). *Мне улыбаются / и я улыбаюсь//*

Кондуктор. *Ну и правильно! ... А то большинство сейчас какие-то загруженные.*

Положительно описанное положение дел, каузирует, в свою очередь, второго участника ситуации – кондуктора – на кооперативный поддерживающий речевой акт, касающийся не только самой «сентенции» (*Мне улыбаются / и я улыбаюсь*), но прежде всего мимической реакции собеседника, прочтенной как положительное социальное со-действие.

Когда же адресат ощущает дефицит содержательного основания – недостаточность аргументов, сомнительность предпринятой квалифицирующей интерпретации и т.п., – тогда реакция может быть не столь положительной, точнее, даже критичной:

[Внучка в гостях у бабушки; включен телевизор. Ведущая программы, представляя поэта, говорит, что он написал более ста стихотворений]

● Б. **Какой талантливый! Сто стихотворений!**

В. **А что / талант измеряется количеством написанного?**

Б. Ну если он столько написал / значит его печатают / многие люди читают / он нравится людям // Значит талантливый.

Особый тип реактивного оценочного комментария возникает, если адресат, переводя оценку в функциональную плоскость целеполагания, интерпретирует ее как воздействие, манипуляцию или переубеждение; ср. примеры:

[Разговор мужа и жены]

М. (заходит в квартиру). *Как вы тут сидите?! Воздух **спертый** / **Духота** //*

Ж. *На улице минус двадцать... Ладно / сейчас окно **открою**;*

[Разговор мужа и жены]

Ж. *Плов у тебя получается **вкуснейший!** Как у настоящего узбека!*

М. *Можно было просто прямо сказать / **пойди приготовь** плов //;*

[Родители в прихожей; отговаривают сына ехать за город с друзьями]

Мать. *Там **холодно** // Дача **хлипкая** // Топить наверное никто **не умеет** //*

Сын (одеваясь, иронично). *Ну вы подготовились... Очень издалека было... Очень сильный аргумент // **Бесполезно** меня **переубеждать!***

Если быть более точным, в подобных случаях оценка, стимулирующая совершение каких-либо действий либо предполагающая отказ от них со стороны адресата, порождает комментарий, свидетельствующий о расшифровке косвенного императива: ответное согласие либо отказ исполнить действие. Тогда же возникает риск преобразования ситуации нейтрального повседневного общения в ситуацию разногласия или конфликта.

Результаты анализа. Итак, в повседневной речи красноярцев введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога оценочным содержанием.

Оценки, реализованные в позициях с разным семантическим статусом (пресуппозитивная, квалификативная, актантная, пропозитивная и модусная), имеют равные возможности быть развитыми в контексте повседневной речи в нескольких направлениях:

- обоснование (аргументы) оценки,
- трансформация содержания оценки (детализация оценки / корректирование оценки / альтернативная оценка),
- трансформация объектного поля оценки (детализация объекта / увеличение количества объектов),
- интерпретация воздействующего потенциала оценки.

Словарь обыденной оценки вполне прост, часто клиширован и не отличается особенным разнообразием: *хорошо, плохо, нормально, классно, жестко, мощь, молодец* и под.– наиболее частотные предикаты оценки.

Выводы. Таким образом, в повседневной речи красноярцев введение оценочного элемента регулярно становится стимулом для формирования более или менее объемного высказывания, а в ряде случаев и целого диалога с оценочным содержанием. На развитие аксиологического контекста очевидно влияют факторы

времени, места и обстоятельств общения. К примеру, рекреационный режим, в котором регулярно оказывается человек в отпуске, в периоды праздников или в выходные дни, в обстоятельствах выездного отдыха, «прогулок на свежем воздухе», «дружеской болтовни» – коррелирует с установками на гармоничное восприятие окружающего мира, лояльное отношение к окружающим и положительную оценку.

При том что контекстное развитие оценки может приобретать инициативный либо реактивный характер, основанное соответственно на коммуникативной воле автора либо от адресата, выделенным объектом оценки, значимым для дальнейшего «продвижения» аксиологической микротемы, является адресат высказывания. Этот статус второго участника разговора стимулирует особую деятельность автора, который в обстоятельствах межличностного контакта готов обратить свое квалифицирующее внимание на адресата, переместить его позицию из коммуникативной (участник разговора) в содержательную, аксиологическую (объект оценки), плоскость, демонстрируя ему свое предпочтение либо, напротив, неодобрение.

Наблюдения, подобные представленным выше – базирующиеся на региональном языковом материале, – ожидаемо провоцируют вопрос: что в данном материале справедливо отнести к универсальному, свидетельствующему об общих механизмах функционирования языка, а что – к специфическому? Можно, в частности, предположить, что региональная координата контекста будет маркировать круг территориально значимых объектов оценки, влиять на типовые средства ее выражения, а в ряде случаев задавать узнаваемый, приемлемый «местными» модус оценки: **Нормально это! Мы же в Сибири живем! У нас и должен стоять холод до апреля.** Данные предположения, однако, требуют доказательного подтверждения, привлечения иного, более широкого регионального материала.

Литература

Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д., Бабаева, Е. Э., Богуславская, О. Ю., Иомдин, Б. Л., Крылова, Т. В., Левонтина, И. Б., Санников, А. В., Урысон, Е. В. (2006). *Языковая картина мира и системная лексикография*: монография. Москва: Языки славянских культур.

Апресян, Ю.Д. (1995а). *Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика*. Москва: Восточная литература.

Апресян, Ю.Д. (1995б). *Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Восточная литература.

Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.

Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.

Ассоциативный словарь профессиональной группы «педагог» Красноярского края – Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021663464 Российская Федерация. Ассоциативный словарь профессиональной группы «педагог» Красноярского края : № 2021662171 : заявл. 29.07.2021 : опубл. 17.08.2021 / С. П. Васильева, Н. А. Бурмакина, А. Д. Васильев, В. В. Ингул, А. А. Курделяс, А. Г. Тимченко, Е. В. Устьянцева, М. Ю. Забалуев ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева». URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46485492_64424569.PDF

Богуславская, О.В., Осетрова, Е.В. (2024). *Имидж представителя российской власти: женский языковой тип*: монография. Красноярск: Изд-во СФУ.

Васильева, С. П., Бурмакина, Н. А., Васильев, А. Д., Ингул, В. В., Курделяс, А. А., Тимченко, А. Г., Устьянцева, Е. В. (2022). *Изучение ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края*: монография. Красноярск: Изд-во Красноярский гос. пед. ун-т.

Вольф, Е.М.(1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука.

Земская, Е. А. (2004). *Язык как деятельность: морфема, слово, речь*. Москва: Языки славянской культуры.

Ионова, С. В. (2019). Лингвистика эмоций – наука будущего. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(134), 124–131.

Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. (2010). *Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы*. Москва: Языки славянских культур.

Крысин, Л. П. (2021). Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия. *Приращения смысла: к юбилею Татьяны Викторовны Шмелевой*: сборник научных статей. Москва: РУСАЙНС. 13–24.

Михалап, К. П., Шмелева, Т. В. *Словарь города (1987). Филологические науки*, 4, 81–85.

Осетрова, Е. В., Сквородкина, У. В. (2022). Спойлер: содержание речевого жанра и его детализация с учетом факторов «автора» и «адресата». *VERBA. Северо-Западный*

References

Aprésyan, Yu. D. (1995a). *Selected works*. Vol. 1. Lexical semantics. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian).

Aprésyan, Yu. D. (1995b). *Selected works*. Vol. 2. Integral description of language and system lexicography. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian).

Aprésyan, Yu. D. (ed.), Aprésyan, V. Yu., Babaeva, E. E., Boguslavskaya O. Yu., and al. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography* (2006). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).

Associative dictionary of the professional group "teacher" of the Krasnoyarsk territory. Authors-compilers: S. P. Vasilyeva, A. D. Vasiliev, V. V. Ingul, A. A. Kurdelyas, A. G. Timchenko, E. V. Ustyantseva, M. Yu. Zabaluev. Retrieved from <https://et2.kspu.ru> (In Russian).

Boguslavskaya, O. V., Osetrova, E. V. (2024). *The image of a representative of the Russian government: female language type: monograph*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).

Felde, O. V. (ed.), Smirnov E. S., Vasiliev V. K. (2022). *Language and culture of the Northern Angara region in the mirror of oral text: monograph*. Krasnoyarsk: Amal'gama Publ. (In Russian).

Ionova, S. V. (2019). Linguistics of emotions as science of the future. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 1 (134), 124–131. (In Russian).

Kharitonova, S. V. (2021). Genre-thematic and lexical-stylistic means in the objectification of axiological content of the first russian-language children's BSSR newspaper "Zorka". *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 3, 125–129. (In Russian).

Khodasevich, E.M. (2020). *Maidan: performance or act of nature? (features of metaphorical interpretation of the political mediaconcept in Russian-language mass media of XXI century. Cognitive studies of language*, 3 (42), 494–498. (In Russian).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2010). *Linguistic existence of a modern city dweller: Based on the language of Moscow*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russian).

Krysin, L. P. (2021). Everyday urban speech and colloquial speech: similarities and differences. *Increments of meaning: a collection of scientific articles for the anniversary of Tatyana Viktorovna Shmeleva*. Moscow: RUSAYNS, 13–24. (In Russian).

Mikhalaп, K. P., Shmeleva, T. V. *Urban Dictionary (1987). Philological Sciences*, 4, 81–85. (In Russian).

Osetrova, E. V., Skovorodkina, U. V. (2022). Spoiler: the content of the genre and its detailing taking into account the "author" and "addressee" factors. *VERBA. Northwestern*

лингвистический журнал, 2(4), 36–46. DOI:10.34680/VERBA-2022-2(4)-36-46

Смирнов, Е. С., Фельде, О. В. (2023). «Свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья: монография. Красноярск: Изд-во СФУ.

Солодилова, И. А., Шепеля, И. В. (2015). Оценочность и эмотивность в семантике слова. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11(186), 172–178.

Телия, В. Н. (1986). *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука.

Тимченко, А. Г., Бурмакина, Н. А. (2022). Образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование. *Сибирский филологический форум*, 3(20), 138–151. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-131

Устьянцева, Е. В. (2021). Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания). *Сибирский филологический форум*, 2(14), 4–16. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-74

Фельде, О. В., Смирнов, Е. С., Васильев, В. К. (2022). *Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста*: монография. Под редакцией. Красноярск: Амальгама.

Харитоновна, С. В. (2021). Жанрово-тематические и лексико-стилистические средства в объективации аксиологического содержания первой русскоязычной детской газеты БССР «Зорька». *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 3(41), 142–151.

Ходасевич, Е.М. (2020). *Майдан*: спектакль или стихийное бедствие? (особенности метафорической интерпретации политического медиааконцепта в русскоязычных масс-медиа XXI века). *Когнитивные исследования языка*, 3(42), 494–498.

Шаховский, В. И. (2007). Лингвистика эмоций. *Филологические науки*, 5, 3–13.

Шаховский, В. И. (2009). Эмоции как объект исследования в лингвистике. *Вопросы психолингвистики*, 9, 29–43.

Шаховский, В. И. (2023). *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: на примере лексики английского языка*. Москва: ЛЕНАНД.

Шмелев, А. Д. (2002). *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва: Языки славянской культуры.

Шмелева, Т. В. (2003). *Речеведение. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Под редакцией. Москва: Флинта: Наука. 565–566.

Шмелева, Т. В. (2021). Грамматика оценочности: событийно-оценочные предложения. *Медиалингвистика: материалы V международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 30 июня–02 июля 2021 г. Санкт-Петербург: Медиапапир. 8, 65–68.

Шмелева, Т. В. (2023). Оценочные высказывания в комментариях к стриму. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 89–102. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102

Journal of Linguistics, 2(4), 36–46. DOI: 10.34680/VERBA-2022-2(4)-36-46. Retrieved from <https://verba.press/index.php/journal/issue/view/4> (In Russian).

Revenko, I. V. & Osetrova, E.V. (2022). Two “Characters” in the Russian Linguistic Worldview: “We” and “They”. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (10), 1533–1547; Retrieved from <http://journal.sfu-kras.ru/number/145415>.

Shakhovskiy, V. I. (2007). Linguistics of emotions. *Philological Sciences*, 5, 7–13. (In Russian).

Shakhovskiy, V. I. (2009). Emotions as an object of research in linguistics. *Journal of Psycholinguistics*, 9, 29–43. (In Russian).

Shakhovskiy, V. I. (2023). *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language: Using the example of English vocabulary*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian).

Shmelev, A. D. (2002). *Russian language and extra-linguistic reality*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2003). *Speech studies. Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book*. Eds. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva. Moscow: Flinta: Nauka Publ, 565–566. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2021). Grammar of evaluation: event-evaluative sentences. *Medialinguistics: materials of the V international scientific conference, St. Petersburg, June 30–July 02, 2021. Vol. 8. Language in mass media coordinates*. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 65–68. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2023). Evaluative statements in the comments to stream. *VERBA. Northwestern Journal of Linguistics*, 2 (7), 89–102. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102. (In Russian).

Smirnov, E. S., Felde, O. V. (2023). “Ours” and “strangers” in the traditional linguistic culture of the Northern Angara region: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).

Solodilova, I. A., Shepelya, I. V. (2015). Evaluativeness and emotiveness in the word semantics. *Bulletin of Orenburg State University*, 11, 172–178. (In Russian).

Telia, V. N. (1986). *Connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Timchenko, A. G., Burmakina, N. A. (2022). Image of an ideal teacher: linguoaxiological research. *Siberian Philological Forum*, 3 (20), 138–151. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-131 (In Russian).

Ustyantseva, E. V. (2021). Sociocultural type of teacher in a small city of Krasnoyarsk krai (conscious level of language consciousness). *Siberian Philological Forum*, 2 (14), 4–16. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-74 (In Russian).

Vasilyeva, S. P., Burmakina, N. A., Vasiliev, A. D., Ingul, V. V., Kurdelyas, A. A., Timchenko, A. G., Ustyantseva, E. V. (2022). *Study of the value picture of the world of the professional group “teacher” of the Krasnoyarsk Territory*:

Яо, Цзясюй (2022). Метафора *грязи* в политическом дискурсе: фреймо-слотовая структура. *Политическая лингвистика*, 2, 212–218.

Revenko, I. V., Osetrova, E.V. (2022). Two “Characters” in the Russian Linguistic Worldview: “We” and “They”. *Journal of Siberian Federal University*. Vol. 15, N 10. P. 1533–1547. DOI: 10.17516/1997-1370-0471

monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev Publ. (In Russian).

Vol'f, E. M. (1985). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Yao, Jiaxu (2022). Metaphor of *gryaz'* (dirt) in political discourse: frame-slot structure. *Political Linguistics*, 2, 212–218. (In Russian).

Zemskaya, E. A. (2004). *Language as an activity: Morpheme. Word. Speech*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Осетрова, Е. В. (2024). Оценки повседневности в речи красноярцев. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-34-47

For citation:

Osetrova, E. V. (2024). Evaluations of everyday life in Krasnoyarsk residents' speech. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 34–47. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-34-47